

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ЭМИГРАЦИИ: ЛИБЕРАЛЬНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ (20–30-е гг. XX в.)*

Как отмечали современники, из России в эмиграцию был перенесен весь спектр политических убеждений и настроений. Воззрения либералов-радикалов, либералов-консерваторов, социалистов разных мастей, евразийцев, сменовеховцев, младороссов существенно различались по своим истокам, содержанию и программным положениям. В иных исторических условиях они трансформировались и приобретали новые черты. Это относилось прежде всего к либеральным и социалистическим идейным направлениям; евразийство, сменовеховство и течение младороссов — это явления уже эмигрантской действительности.

Чрезвычайная интенсивность общественно-политической мысли эмиграции объяснялась, по выражению М. Осоргина, «неистребимой энергией боли за Россию», стремлением понять и осмыслить причины падения Российской империи, краха государственности, деятельности дум, несостоятельности российского либерализма.

Идеи, опыт общественно-политической и публицистической деятельности, которые оставила эмиграция, представляют большой научный интерес, они особенно актуальны в современной России. Между тем изучение их велось неравномерно. Если евразийству и сменовеховству посвящена довольно значительная литература, то социалистическим течениям и либерализму в его разных формах уделялось недостаточное внимание. Либеральный консерватизм, представленный такими блистательными именами, как П. Б. Струве, В. А. Маклаков, Н. С. Тимашев, практически не изучался.¹

Сохранение традиционных ценностей, их преемственность в процессе государственного, культурного и духовного развития, неотъемлемость прав личности, свобода во всех областях ее деятельности — характерные черты либерального консерватизма. При этом свобода понималась как личная ответственность и способность к самоограничению, как «законное самоограничение лица», основанное на признании не только своих, но и прав всех окружающих. По мысли либеральных консерваторов, осуществление свободы личности зависит не только от законодательства, но и от внутренних духовно-нравственных и религиозных устоев личности, способной осознавать права другой личности. Гарантией свободы личности должно выступать государство. «„Установка“ либерального консерватизма, — писал Струве, — нам всегда дорога... она неразрывно связана с практически-политическим содержанием и государственным западничества и государственного славянофильства».²

Своими предшественниками либералы-консерваторы признавали М. М. Сперанского, Б. Н. Чичерина, Н. А. Милютину, П. А. Столыпина, Д. Н. Шипова, воплотившими в своей деятельности черты консерватизма и либерализма. Чичерин отстаивал экономическую и гражданскую свободу: экономическую — от социализма, гражданскую — от абсолютизма. Столыпин, по словам Струве, верно понял «смысл и правду» правового государственного преобразования России. «И разве трагические борения Столыпина,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 06-01-00142а.

который прозревал неизбежные формы новой России и готов был железной рукой пролагать им путь, — размышлял Струве, — не являются какими-то современными психологическими „миниаюраами” трагедии Сперанского!? И Витте, и Столыпин в формах ежедневно-банальных как-то испили горькую чашу Сперанского».³ Истоки либерально-консервативных взглядов Струве видел и в творчестве Пушкина. В статьях, написанных к столетней годовщине со дня гибели поэта в 1937 г., Струве писал: «Пушкин знал, что всякая земная сила, всякая человеческая мощь сильна мерой и в меру собственного самоограничения и самообуздания. Ему чужда была нездоровая расслабленная чувствительность, ему претила пьяная чрезмерность, тот прославленный в настоящее время „максимализм”, который рождается в угаре и иссыкает в похмелье».⁴

Существенной особенностью эмигрантского либерального консерватизма является обращение к опыту западноевропейского либерализма. В эмиграции Струве и Маклаков имели возможность ближе и глубже познакомиться с европейской демократией, парламентаризмом и практикой взаимодействия власти и оппозиции.

Развитие либеральных ценностей — гражданских свобод и правового устройства, идей национальной солидарности, неприятие классовых и партийных принципов осуществления государственной политики импонировали русским либерально-консервативным деятелям. Струве, уделявший этому предмету особое внимание, глубоко ценил британский и французский парламентаризм, отмечал «политическое дарование» и «нравственное величие» лидера лейбористской партии и премьер-министра Великобритании Д. Р. Макдональда, который во имя государственных целей пренебрег партийными интересами; с величайшим уважением относился к Р. Пуанкаре, президенту Франции и премьер-министру в 1920-е гг., стремившемуся укрепить государственное величие Франции в Европе, национальное единство в своей стране и проявлял непримиримость по отношению к советской власти. Проводимые лидерами этих двух стран идеи национального единства, национальной солидарности Струве рассматривал как высокую «зрелость подлинной демократии».

Размышляя о государственной власти, «хранительнице традиций», Струве писал о том, что «все режимы и все власти падают от неспособности к разумным и необходимым компромиссам и никакие широкие политические движения не удаются, пока в них на той или иной основе не возобладает и не восторжествует дух соглашения... В основе духа соглашения и практики согласия лежит уважение к праву».⁵ Это высказывание в равной мере он относил как к власти, так и к общественным течениям, в том числе оппозиционным.

В прошлом России Струве видел «пагубные и тлетворные стихии» — крепостное право, тиранический произвол, но полагал, что либеральные консерваторы умели отличать «самовластие» и «тиранство» от самодержавия. Понятие самодержавия он считал «многомысленным», означающим и «суверенную», «державную» и неограниченную власть. Сам он был сторонником самодержавия как национальной власти, свободной от деспотизма.

Большим завоеванием самодержавной власти, помимо экономических и политических достижений, либеральные консерваторы считали защиту культурных ценностей. Гениями русской культуры и сторонниками государственной власти они справедливо признавали Пушкина и Достоевского. Симптоматично замечание Струве, сопровождающее эту мысль: в юности вольнолюбивый и радикальный Пушкин в зрелом возрасте стал охранителем и «царистом»; Достоевский — социалист в молодости стал «страстным» и «упорным» приверженцем русской государственности. «Было бы глупо и пашло, —

заключал Струве, — отмахиваться от этих реальных и многозначительных перемен в умонастроении величайших русских гениев как от каких-то не то причуд, не то ренегатства». ⁶ Это высказывание помимо защиты государственности и ее сторонников содержит, к сожалению, в наше время не всеми признаваемую мысль: изменение ситуации влечет за собой и трансформацию восприятия.

Либерализм либеральные консерваторы рассматривали как «самую государственную, отнюдь не революционную доктрину, как политическую программу, устанавливающую начала законодательства и управления». ⁷ По мысли Маклакова, либерализм должен угрозой революции побуждать власть идти на уступки, воплощать в себе те идеи, которые могли остановить революцию. ⁸ «Русскую общественность, — писал Струве, — нужно приучить к мысли, что либерализм, чтобы быть почвенным, должен быть консервативен, а консерватизм — для того, чтобы быть жизненным, должен быть либерален». ⁹ И только консервативный либерализм может обеспечить проведение социальных реформ.

Этому «идеальному» либерализму, в той или иной мере осуществленному в западноевропейских странах, Струве и Маклаков противопоставляли российский либерализм, который они подвергали резкой критике и возлагали на него значительную долю вины за крушение Российской империи.

Характерной чертой российского либерализма они считали «порочную установку» на разрушение монархии. Русский либерал, писал Маклаков, «представлял из себя как бы сообщающийся сосуд; в меру его принципиального недоверия к власти шло столь же принципиальное доверие к народной мудрости и к спасительности всех народных учреждений», он «пасовал» перед революцией «во имя высоких идей и моральной высоты революционеров». Русский либерализм не захотел рискнуть соединиться со старым порядком против революции, т. е. «пойти на самую привычную и естественную комбинацию». ¹⁰

Либеральное и радикальное движение в России Струве также рассматривал в едином потоке, за которым «стояла дремавшая, не укрощенная историческим народным опытом народная же стихия революционного максимализма», ¹¹ которая впоследствии вылилась в большевизм.

Ценным наследием либерально-консервативной мысли была программа возрождения России, которая включала в себя идеи объединения эмигрантских сил, прогнозы политического устройства России после падения власти большевиков.

Свою программу либеральные консерваторы противопоставляли концепции П. Н. Миллюкова об эволюции советской власти. В полемике с Миллюковым они высказывали удивительно точные определения событий российской истории, российского кадетизма, выявляя его сущность и особенности. Тем самым этот материал включался в арсенал идей и мыслей о России.

Российских эмигрантов Струве воспринимал как представителей «подлинной национальной России», как хранителей национальных и культурных традиций. Он считал необходимым объединить все усилия как зарубежья, так и «подъяремной России» для свержения коммунистической власти.

Газеты Струве «Возрождение», «Россия», «Россия и славянство» призывали сплотить все политические силы эмиграции вне зависимости от политических пристрастий.

Представления о формах помощи России эмиграцией по существу не были достаточно определенными: интервенция отрицалась, «активизм» в его различных проявлениях

разделялся не всеми. В действительности речь шла о сплочении эмиграции и призыву к активной и непримиримой позиции по отношению к советской власти.

Вместе с тем и Струве, и Маклаков предостерегали от иллюзий, что эмиграция сможет изменить положение России. Эмиграция должна лишь способствовать ее возрождению. «Наша эмигрантская роль, — считал Маклаков, — могла бы заключаться в одном: облегчить эти трудные роды, сыграть роль акушера».¹² С этой точки зрения, общей для Маклакова и Струве, не соглашался Тимашев, полагая, что вопрос о будущем России во многом зависит от интеллектуальной деятельности эмиграции, а устранение от нее представлялось ему большой ошибкой, повторением бездействия интеллигенции накануне захвата власти большевиками.¹³

Будущая Россия мыслилась либеральными консерваторами экономически развитым, цивилизованным правовым государством с «широчайшей» свободой личности и «непреложными религиозными началами».

Одним из главных условий нового государственного устройства должно быть установление частной собственности. Понятия «свобода» и «собственность», по словам Маклакова, войдут в «будущую идеологию» и определяют «новую расценку людей и идей».¹⁴

Лицо возрожденной России определяют «две творческие идеи — национальная и крестьянская»: сильная единоличная национальная власть на крестьянском основании.¹⁵

На русское крестьянство Маклаков смотрел «не в очки народолюбия и демократизма», он много размышлял о его бесправии и жизни вне закона, чем объяснял то, что русский крестьянин в революции не стал оплотом консерватизма, а проявил пролетарскую психологию. Природа крестьянина как буржуазного собственника, полагал он, в итоге спасет Россию, поэтому в постбольшевистской России земля должна быть передана в собственность крестьянам.

Будущее российское государство связывалось либералами-консерваторами с решением национальной проблемы. Они предсказывали, что в процессе возрождения России произойдет распадение отдельных национальных территорий России, а затем возможное воссоединение (в непредсказуемой форме), обусловленное экономическими соображениями. Но как государственники они постоянно выражали опасения о расчленении России, хотя и считали закономерным обособление отдельных национальных районов от большевистского центра.

В возрожденном российском государстве не должно быть вмешательства государственной власти в национальное управление, влияния партийной власти. Тимашев, много писавший об этом, считал необходимым законодательно обеспечить свободное развитие наций, права граждан, образование, судебное устройство, сохранение культурных традиций и языка.¹⁶

Понимание задач эмиграции и идей построения новой России адептами либерального консерватизма существенно отличалось от их толкования либералами-радикалами, особенно Милюковым.

Пресса тех лет, газеты «Возрождение», «Россия и славянство», «Россия» Струве и «Последние новости» Милюкова наполнены острой и страстной полемической борьбой по этим вопросам.

Следует иметь в виду, что к Милюкову и Струве, и Маклаков относились весьма критически не только как к политику, но и как к человеку. Признавая его талант как

общественного деятеля, публициста, его значительную роль как политического борца в самом начале его деятельности, Струве вместе с тем отмечал его неумение «мыслить непартийными категориями». Он считал, что к Милюкову очень подходит определение «ум по преимуществу распорядительный». Милюков, по словам Струве, «исключительно умел располагать идеями, аргументы, „аранжировать” „вещи”, но он не способен был видеть и ощущать живых людей, сострадать и сочувствовать им».¹⁷ Именно в этом Струве усматривал причину его «роковых неудач» как политика. Кстати, об отстраненности Милюкова от проявлений человеческих эмоций и известной жестокости по отношению к людям писали многие современники.

С именем Милюкова либеральные консерваторы связывали характер российского либерализма и его пагубную роль в уничтожении Российской империи. Критика деятельности Милюкова относилась как к дореволюционному, так и к эмигрантскому периодам. Струве считал, что «в борьбе с большевиками» следует идти «рука об руку с идейными республиканцами» (имеется в виду Милюков), что «можно быть разных мнений о методах борьбы с большевиками», но это исключает «приемы морального дискредитирования какой бы то ни было реальной по форме и приемам борьбы» с ними.¹⁸ Милюков же отрицал объединение либералов-радикалов с монархистами. Из этого Струве делал вывод, что Милюков отказывается от активной борьбы с советской властью и тем самым невольно становится на сторону «врагов» России.

Резкой критике со стороны либералов-консерваторов подвергались «новая тактика» Милюкова, коалиция с эсерами, участие в совещании членов Учредительного собрания. Как справедливо заметила современная исследовательница: союз кадетов с эсерами диктовался возможностью влияния с помощью эсеров на крестьянство, где позиции кадетов были слабы, и расчетами на связи с внутренней Россией. По существу это означало желание «въехать в Россию на левых ослах».¹⁹

В объединении с эсерами Струве видел «недопустимый союз» и отступление от принципов либерализма.

Абсолютное неприятие либеральных консерваторов вызывала концепция Милюкова об «эволюции советской власти», суть которой состояла в том, что советская власть сама эволюционирует к своей гибели и утрате своих принципиальных установок.²⁰

Струве считал эту концепцию утопией, «неумной конструкцией» и отказом от активной борьбы с большевиками, полагая, что эволюционные процессы, происходящие в самой России, нельзя смешивать с эволюцией большевистской власти, которая «не способна к изменению своей деспотической природы». «Те, кто внушает русским людям, находящимся за рубежом, эволюционные иллюзии и примиренчески-соглашательские настроения по отношению к большевикам, — писал Струве, — поражают отсутствием всякого исторического воображения»²¹ и способности научно оценивать явления и события истории.

«Вред» концепции Милюкова Маклаков усматривал и в ее влиянии на европейское общественное мнение, для которого Милюков был авторитетным политическим деятелем и мог сеять ошибочные мысли о происходящем в России и о борьбе с большевизмом.

Темпераментный диалог либеральных консерваторов с Милюковым оттачивал и корректировал представления обоих течений общественной мысли, ярко вырисовывал атмосферу идейной жизни эмиграции. Либеральный консерватизм, как очевидно, играл в этом процессе активную и значительную роль.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исключение составляет лишь диссертация М. А. Федоровой «Либерально-консервативное направление общественно-политической мысли русского зарубежья 20–40-х гг. XX в.» (М., 2003) — ценная исследовательская работа, не лишенная в то же время ряда односторонних трактовок.

² Возрождение. 1925. 18 окт.

³ Там же. 3 окт.

⁴ Струве П. Дух и слово: Сб. статей. Париж, 1981. С. 10.

⁵ «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. Т. 3. С. 437.

⁶ Россия и славянство. 1929. 29 янв.

⁷ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 3. С. 437.

⁸ Там же. Т. 2. С. 89.

⁹ Возрождение. 1925. 18 окт.

¹⁰ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 3. С. 373, 437.

¹¹ Возрождение. 1926. 26 сент.

¹² «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 377.

¹³ Тимашев Н. С. Возможно ли предвидение завтрашнего дня // Возрождение. 1929. 15 окт.

¹⁴ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 2. С. 193

¹⁵ Возрождение. 1926. 30 янв.

¹⁶ Тимашев Н. С. Центр и места в послереволюционной России: (К проблеме федеративного устройства России) // Крестьянская Россия: Сб. статей по вопросам общественно-политическим и экономическим. Прага, 1923. V–VI. С. 57–59.

¹⁷ Россия. 1927. 8 окт.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Канищева Н. И. Разработка П. Н. Милюковым тактического курса эмигрантских кадетских групп // П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат. М., 2000. С. 145.

²⁰ Александров С. А. К истории русского либерализма в эмиграции: (Возникновение и деятельность РДО) // История и историки. М., 2003; Вандалковская М. Г. П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992; Сперкач А. И. П. Н. Милюков против правых кадетов: («Новая тактика» и идеологические аспекты раскола конституционных демократов) // П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат.

²¹ Возрождение. 1925. 25 сент., 5 июля; 1927. 21 июня; «Совершенно лично и доверительно!» Т. 2. С. 192–193, 362–363, 410.